

ЭВФЕМИЗАЦИЯ РЕЧИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

© 2006 Н. В. Прядильникова

Самарский государственный аэрокосмический университет

Рассмотрены вопросы использования коммуникативно оправданных способов словоупотребления в речи носителей современного русского языка, проанализированы взаимосвязи и различия понятий политкорректности, толерантности и языкового такта.

Наблюдения за речевой практикой студентов и языком средств массовой информации позволяют автору сделать вывод о том, что в современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и к ее эвфемизации. Цель данной статьи – рассмотреть функциональные особенности использования эвфемизмов в речи современных носителей русского языка в социокультурном аспекте, а также возможность формирования социальных связей, управления коллективной жизнедеятельностью и передачу историко-культурного опыта посредством языка.

В современном языкознании эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными... Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [1]. Потребность в замене наименования денотата и создании несоответствия между именем и понятием диктуется рядом прагматических принципов, которые выступают в качестве видовых по отношению к родовому понятию – принцип эвфемизации [9]. К числу таких прагматических принципов, порождающих эвфемии, исследователи относят принципы этичности, вежливости, регулятивности, вуалирования и др. [12, 14, 18, 20].

Эвфемизация речи свидетельствует о развитии системы лингвокультурных ценностей у носителей современного русского языка. Эвфемизмы современного русского язы-

ка являются показателем изменений, происходящих в обществе, в том числе и под воздействием западной культуры. Это закономерный процесс, так как все изменения в социокультурной сфере отражаются в языке, а языковые изменения, в свою очередь, активно участвуют в общественных процессах и влияют на них. Язык является главной знаковой реалией культуры, а языковая картина мира отображает мировоззрение носителей языка.

Язык всегда выступает в качестве основного средства социокультурного кода. Словарный состав национального языка фиксирует и передает от поколения к поколению специфику этносоциокультурных норм, поддерживая таким образом преемственность и устойчивость этнического и культурного менталитета. Изучая особенности словоупотребления, можно диагностировать состояние духовного здоровья языкового коллектива и в какой-то мере даже прогнозировать его развитие [2, 3, 6, 7, 9, 13, 24].

В этом смысле наблюдения за использованием эвфемизмов в речи дают богатый материал для высвечивания общественных «антиценностей». Парадокс эвфемизации речи состоит в том, что эвфемизмы, являясь средством своеобразной маскировки неоднозначно оцениваемых фактов действительности, одновременно являются их маркерами, обозначая как раз «проблемные» зоны, своеобразные координаты социального неблагополучия.

Рассмотрим эвфемизмы, использование которых диктуется соображениями этического порядка. В соответствии с прагматическими принципами вежливости, тактичности в речи современных носителей русского язы-

ка употребляются эвфемизмы, смягчающие различные виды дискриминации:

- возрастную – *люди почтенного возраста; старшее поколение; люди третьего возраста* и т. п. (вместо «старики»);

- по социальному статусу – *дети, оставшиеся без попечения родителей; дети, заботу о которых взяло на себя государство; дети, лишенные родительского внимания* (вместо «сироты»); *дети с девиантным поведением; социально неблагополучные дети; дети, нуждающиеся в социализации* (вместо «малолетние преступники»); *социально незащищенные* (вместо «нищие, бедные»); *бездомные; оставшиеся без крыши над головой* и т. п. (вместо «бродяги»).

Отметим, что казавшийся прежде удачным аббревиатурный эвфемизм *бомж* (без определенного места жительства) практически утратил свою первоначальную прагматическую ценность. В силу своей «растиражированности» и «заштампованности» он перешел в разряд «прямых» наименований, о чем свидетельствует, например, появление на его основе окказиональных образований – *бомжатник, бомжевать*. Б. А. Ларин писал: «Эвфемизмы недолговечны. Существенным условием действительности эвфемизма является наличие «грубого», «недопустимого» эквивалента. Как только это подразумеваемое неудобнопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований, и тогда требует новой подмены» [19].

- по физическим и умственным возможностям – *слабослышащие* (вместо «глухие»), *незрячие* (вместо «слепые»), *люди с ограниченными физическими возможностями* (вместо «инвалиды»); *дети с альтернативными способностями, нуждающиеся в дополнительных занятиях, педагогической (психологической) коррекции, педагогически запущенные* и т. п. (вместо «умственно неполноценные дети»).

Анализируя продуктивность прилагательных в функции эвфемизмов, Е. П. Сеничкина, в частности, отмечает, что лексико-семантический вариант *слепой* имеет больше семантических признаков, чем *незрячий*. Се-

мантика слова *незрячий* не коннотирует таких значений, зафиксированных Малым академическим словарем русского языка в качестве переносных, как «не замечающий, не понимающий совершающегося вокруг; неспособный по незнанию, по невежеству понять окружающее». «Заметим, что в русском дискурсе среди слабовидящих и слепых распространено словоупотребление *незрячий*» [25].

- по внешнему виду – *крупного телосложения, с избыточным весом, вынужденные следить за собственным рационом питания* (вместо «толстые») и т. п.;

- национальную и этническую – *лица кавказской национальности* (вместо коннотативно отягощенного на сегодняшний день «чеченцы»); *россияне* (как актуализация социального признака «все, живущие на территории России» и нивелирование признака «русской национальности»).

Представляется целесообразным определять эвфемизмы, смягчающие различные виды дискриминации, как этически маркированные, актуализирующие в высказывании прагматические компоненты вежливости и тактичности. Этически маркированный эвфемизм – это всегда эвфемизм, используемый с целью избежать того или иного оскорбления индивида или какой-либо группы населения. Общая цель этически маркированных эвфемизмов может быть обозначена как преодоление необъективности, негативных социальных стереотипов, предрассудков и невежества в отношении групп, которые обладают каким-либо признаком, по которому их можно отнести к меньшинству и/или к социальным аутсайдерам.

Использование таких эвфемистических выражений может быть рассмотрено как проявление языкового такта, выражаемое «в стремлении найти новые способы языкового выражения, взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. д.» [27]. По сути речь идет о реализации принципа

толерантности по отношению к индивидуальности, соблюдении личного суверенитета и уважении прав любого человека.

Согласно общему определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая Россию), толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [23]. Иными словами, толерантность понимается как стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений. При этом толерантное сознание, которое созвучно уважению прав человека, вовсе не означает отказа от собственных взглядов.

Эвфемия, по мнению некоторых исследователей, имеет схожую природу с понятием «политической корректности» [4, 15, 21]. Термин «политическая корректность» был впервые предложен в 1983 году Карен де Кроу, президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин. С тех пор этот термин, подразумевающий особую манеру поведения, общения, систему оценок, получил широкое распространение сначала в американских студенческих городах-кампусах, а затем стал активно использоваться и во всех остальных сферах. Сегодня политическая корректность - обязательная часть языковой практики западного, в первую очередь американского и канадского, общества.

Следует отметить неоднозначное отношение к самому этому явлению. Отмечаются, в частности, его лицемерность и контрпродуктивность: «политическая корректность стала в американском и канадском обществе средством получения выгод и рождения несправедливости» [10]. По поводу чрезмерных требований политической корректности Е. А. Земская пишет, что «доведение даже очень хорошей социальной идеи до абсурда (в данном случае – догматизм и бескомпромиссность в борьбе за права слабых и ущем-

ленных) могут давать результаты, аналогичные тем, которые порождает тоталитаризм» [10].

Результаты сопоставительного анализа использования эвфемизмов в английском и русском языках свидетельствуют о том, что «в русском языке не наблюдается столь масштабных языковых нововведений, какие произошли в английском языке последних десятилетий под эгидой борьбы за равноправие полов, преодоления ксенофобии, расовых предрассудков и социального неравенства» [21]. Возможно, политкорректность в России не является в настоящее время таким мощным социокультурным феноменом, как в англоязычных странах, но появление все большего количества политкорректных слов и эвфемистических выражений отрицать невозможно. Например:

*... до 1906 года титул чемпиона параллельно разыгрывался среди белых и **темнокожих** бойцов ... Но это был все же локальный успех **выходцев с Черного континента** ... Кстати, еще в шестидесятых годах на боксерских поединках болельщики «**белых**» и «**черных**» бойцов должны были сидеть в разных секторах ... **Афроамериканцы**, осознав, что не в состоянии хуками и апперкотами остановить победное шествие российско-украинской команды, развязали против них войну длинных языков. (Комсомольская правда 13-20.10.2005).*

Автор публикации, вероятно, вполне сознательно избегает использования слова «негры», которое в связи с распространением понятия политкорректности в англоязычных странах уже и носителями русского языка начинает восприниматься как несколько «неактивное», а следовательно – нежелательное для использования. При этом слово «негр» лишено системных эмоциональных, оценочных коннотаций и стилистически нейтрально. В третьем предложении слова *черных* и *белых* заключены в кавычки, которые свидетельствуют о языковой рефлексии пишущего. Кавычки в данном случае выступают своеобразным аналогом сочетания «так называемый» и позволяют снять с автора ответственность за выбор данных номинаций.

Заметим, что не следует в полной мере отождествлять политическую корректность

как социальное явление с проявлением языкового такта в аспекте речевого поведения. Политическая корректность – не только или не столько языковое, сколько социокультурное явление. Языковой такт – это своего рода ограничитель, сдерживающий фактор в проявлении вербальной агрессии. Детерминированность речевого поведения фактором языкового такта выражается в ограничении на употребление того или иного слова или выражения в определенной ситуации: «имеются нормы поведения, которым индивид должен в глазах окружающих в большей или меньшей степени следовать, причем некоторые из этих норм будут нормами языкового поведения – кодами соответствующего языка» [2].

Рассмотрим эвфемизмы, использование которых ориентировано на выполнение регулятивной функции посредством речевого воздействия на адресата. В этом смысле их использование следует рассматривать как средство определенного «нажима» на реципиента (как правило, в рамках различных речевых стратегий) с целью повлиять на принятие адресатом такого решения, которое для него может иметь более или менее негативные последствия.

Так, в Польше в период предвыборной кампании 1993 года «были составлены списки слов, которые вообще не следует употреблять или же следует заменять словами-субститутами (это были конфиденциальные рекомендации-инструкции для членов одной партии). Например: капитализм лучше заменить выражением - экономика на реальных основах; не следует говорить о богатстве; а если уж возникает необходимость, то следует заменить выражением нажитое состояние; слово капитал людей шокирует, отталкивает, лучше заменить - деньги, фонды, необходимые для большего накопления денег; некрасиво звучат проценты, процентные ставки, лучше вместо этого говорить - заработок, получаемый с денег, внесенных в банк или на биржу и др. Данное предложение обосновывалось его авторами ссылкой на результаты социологических исследований, которые показали, что в начале 90-х годов, спустя восемь лет после принятия курса на рыночную

экономику, свойственная ей терминология в ментальности людей в дальнейшем ассоциируется с прежними представлениями, сохраняет идеологические созначения, присущие ей в период до перестройки» [16].

Исследования показывают, что в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые призваны повлиять на деятельность собеседника [3, 9]. Р. М. Блакар выдвигает гипотезу о том, что языковое обозначение может иметь существенное значение для понимания обозначаемого явления. Заставить принять свои обозначения – акт проявления социальной власти. Выбор выражения, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя. Эта присущая языку и пользующемуся языком человеку способность к выбору и воздействию является характеристикой языка как инструмента социальной власти. Даже если отправитель старается «выражаться объективно», осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом [3].

Эвфемистические замены – это действенный прием создания положительного образа или нейтрализации негативного впечатления для оказания речевого воздействия на адресата. Как отмечает Е. И. Шейгал, есть все основания считать тенденцию к эвфемизации одной из прагматических закономерностей публичной (прежде всего – политической и публицистической) речи [28]. Использование эвфемистических выражений обусловлено при этом попыткой закамуфлировать явления или события, способные вызвать общественное осуждение. Например:

Недавно руководство Минобороны объявило, что на космодроме Байконур, который мы арендуем у Казахстана, вскоре будет почти полностью ликвидирована «военная составляющая». Это значит, что почти 6 тысяч российских офицеров останутся без работы (главная причина – резкое сокращение запусков ракет и спутников военного ведомства). (Комсомольская правда 28.10.2005).

Южный федеральный округ укрепят дополнительными силами Внутренних

войск (вместо «увеличат дислокацию» - Н.П.). (Российская газета 17.06.2005).

Действительно, имели место факты ненадлежащего исполнения средним медперсоналом врачебных назначений (вместо «неоказание врачебной помощи» – Н.П.)... *необоснованно рекомендовано приобретение лекарственных препаратов и изделий медицинского назначения за личные средства* (вместо «незаконная продажа лекарств» – Н.П.). (Российская газета 20.01.2006).

Как следует из приведенных примеров, эвфемизация речи может быть и удобным инструментом манипулирования общественным сознанием, блокируя рационально-критическое восприятие действительности и препятствуя ее адекватному пониманию. Использование эвфемизмов позволяет избежать недвусмысленного обозначения негативных явлений, создать видимость общественного компромисса.

Эвфемизация публичной речи в историко-культурном и социокультурном аспектам любопытна тем, что является не чем иным, как проявлением магической функции языка. Е. И. Шейгал полагает, что эвфемизацию можно рассматривать как прием устранения неприятного факта путем изменения способа его констатировать [28].

В наши задачи не входит оценка эвфемизации речи по аксиологической шкале (хорошо/плохо). Отметим лишь, что рядовые носители русского языка, как показывают опросы и наблюдения, в большинстве случаев отрицательно относятся к использованию эвфемизмов в речи. Как отмечают исследователи, в русской речевой культуре требования языковой толерантности и политической корректности в настоящее время реализуются слабо: «для русского общения количество тематических и речевых табу сравнительно невелико, причем и имеющиеся табу скорее мягкие, чем жесткие» [23].

Представители таких наук, как языковедение, психология, этнология, культурология, коммуникативная лингвистика и т. п., изучая механизмы и причины эвфемизации речи, видят в этом процессе и безусловные положительные моменты.

Динамика языкового развития в настоящее время столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни среди людей, не связанных профессионально с изучением языка. Интенсивная демократизация языка, отмечаемая многими учеными [10, 11, 17, 26], в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки просторечия, жаргонной и негативной экспрессивной лексики вышли за пределы своего традиционного бытования и стали достоянием публицистических выступлений, текстов средств массовой информации и социально параметризованной речи в целом. Это обстоятельство дает основания некоторым людям (главным образом, не специалистам) говорить о кризисе, упадке современного русского языка.

Язык, являясь общественным явлением, с течением времени претерпевает различные изменения под воздействием социальных и культурных процессов, происходящих в социуме. Признавая этот факт, современная лингвистика при характеристике языковых изменений предпочитает руководствоваться принципом целесообразности, учитывая социокультурную природу языка, а не абстрактную кодовую модель. Возросшие темпы языковой динамики в конце XX-начале XXI вв. обусловлены прежде всего меняющимся составом участников общения, сменой их социальных, политических, экономических и психологических установок.

Лингвисты, анализируя связи между современным состоянием языка и культурой, приходят к выводу, что вырождения и оскудения русского языка в настоящее время не происходит, но снижается культура владения языком. Резюмируя высказывания ученых относительно функционирования русского языка сегодня, Е. А. Земская отмечает: «та «порча» языка, о которой так много пишут, затрагивает не систему языка, а языковую способность (умение говорить) и, следовательно, порождаемые тексты. Новые условия функционирования языка, появление большего числа неподготовленных устных и письменных публичных выступлений способствуют общему впечатлению о росте количества

ошибок, неверных словоупотреблений и т. п.» [10].

Учитывая вышесказанное, одной из актуальных задач современного высшего профессионального образования стоит признать повышение уровня практического владения русским языком и формирование речевой (шире – коммуникативной) компетенции у специалистов нефилологического профиля. Владение навыками эффективного общения в современных условиях становится значимым качеством специалиста, способствующим его личностному развитию и профессиональному росту. Коммуникативная компетенция – это владение дискурсивно и стилистически оправданными способами употребления слов и выражений, умение оперировать национально-культурными символами и стереотипами, а в целом – способность выполнять культурное и социальное взаимодействие посредством языка.

В рамках дисциплин гуманитарного цикла должны освещаться как проблемы, связанные с вербальным воздействием на индивидуальное и общественное сознание, так и вопросы организации оптимального взаимодействия посредством речи. Например, необходимо подчеркивать, что социально параметризованная речь обычно не предполагает возможности «называть вещи своими именами». Такой наивный способ организации общения, где обе стороны (адресант и адресат) говорят все, что думают, неизбежно ведет к конфликту. Поэтому использование эвфемистических выражений снижает коммуникативный дискомфорт, снимает коннотацию историко-культурной или социальной неприемлемости номинации, позволяя успешно осуществлять посредством языка социальное взаимодействие.

Список литературы

1. Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 590.
2. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование

социального взаимодействия. – М.: Наука, 1987. – С. 88-125.

4. Бушуева Т. С. К проблеме табу и политкорректности в современном английском языке // Пятые Поливановские чтения. Ч.3. – Смоленск, 2000. – С. 235-241.
5. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
7. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет филол. семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 39-56.
8. Горшунов Ю. С. Прагматика аббревиатуры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1999. – 32 с.
9. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
10. Земская Е. А. Вступительная статья // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 9-29.
11. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67-89.
12. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
14. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. – Ленинград: Изд-во ЛГПИ, 1988. – 80 с.
15. Киселева Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира. Кн.1. – Казань, 1997. – С. 115-117.
16. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. – М., 2000. – С. 94-106.
17. Костомаров В. Г. Перестройка и русский язык // Русская речь. – 1987. № 6. С. 3-11.
18. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца

- XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. - С. 384-407.
19. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Учен. зап. ЛГУ, 1961. № 301. - С. 110–124.
20. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. - Волгоград: Перемена, 1999. – 59 с.
21. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория. Автореф....канд фил. наук, Тюмень, 2004. – 19 с.
22. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение.– М., 2002.– 277 с.
23. Риэрдон Б. Э. Толерантность – дорога к миру. - М.: Бонфи, 2001. – 304 с.
24. Ромашко С. А. Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура: Сб. науч.-аналит.обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – с. 37-58.
25. Сеничкина Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. - М.: МГОПУ, 2002. – 307 с.
26. Складаревская Г. Н. От редактора // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН., под ред. Г. Н. Складаревской. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 894 с.
27. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. - 624 с.
28. Шейгал Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И. В. Сентенберг: Сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. – с. 158-171.

SPEECH EUPHIMISATION IN A SOCIOCULTURAL ASPECT

© 2006 N. V. Pryadilnikova

Samara State Aerospace University

The paper deals with the issues of employing ways of word usage justified in terms of communication by modern Russian native speakers. Interrelations and differences of political correctness, tolerance and language tact are analysed.